

Е. В. Ельцова

**ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
ТЕМЫ ДЕТСТВА ВОЕННОЙ ПОРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ПРОЗАИКОВ
Е. ЗАГРЕБИНА И И. ТОРОПОВА**

Статья посвящена прозаическому творчеству финно-угорских (пермских) писателей второй половины XX в. Е. Загребина и И. Торопова, принадлежащих к тому поколению авторов, чьи детство и юность прошли в годы Великой Отечественной войны. Закономерно, что тема детства военной поры – одна из наиболее значимых в их творчестве. Литературоведческое исследование, проведенное на материале посвященных данной тематике произведений этих писателей, позволило выявить их основные художественные особенности: автобиографизм, глубокий лиризм, эмоциональность, усиление в произведении личностного и субъективного начал, символизация и метафоризация. В ходе сопоставительного анализа установлено, что ключевым и наиболее значимым в произведениях этого ряда является мотив памяти о событиях прошлого – воспоминания о детстве военной поры. Жанры малой прозы (рассказ, прозаическая миниатюра) позволяют авторам уделять более пристальное внимание раскрытию и решению нравственно-философских проблем, обращаться к личности растущего человека и его внутреннему, духовному миру, к психологии ребенка и подростка. Кроме того, в ходе исследования прозаических произведений Е. Загребина и И. Торопова, посвященных тематике военного детства, выявлен и проанализирован их лирический характер, а также имеющий свойства лирического героя образ героя-рассказчика, романтические поэтика и стилистика при передаче внутреннего мира человека. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что поколение писателей, выросших в годы войны, не только продолжило, но и развило военную тему в литературе, зачинателями которой являлись писатели-фронтовики.

Ключевые слова: удмуртская литература, коми литература, лирическая проза, рассказ, Великая Отечественная война, тема военного детства, память, образ, лирический герой, символ, цикл, сюжет, автобиографизм, метафора, рассказчик.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-262-268

После завершения Великой Отечественной войны литературы пермских народов (удмуртская, коми и коми-пермяцкая) еще долгое время жили воспоминаниями о ней [История удмуртской... 1987, 197; История коми... 1981, 24]: лидирующее положение в литературе во второй половине 1940–х и в 1950–е гг. занимают произведения на военную тему, которые создают вернувшиеся с войны писатели-фронтовики. Как правило, им принадлежат патриотические стихи и проза, в которых воспеваются подвиг советского солдата, где преобладают мотивы отваги, героизма, готовности отдать жизнь за родину. Кроме того, послевоенная литература – это еще и литература трудового подвига, в числе основных ее мотивов – радость победы, возвращение солдата на родину и счастье мирного созидательного труда.

Но тема войны занимает значимое место не только в творчестве писателей-фронтовиков. Чуть позднее, в конце 1950–х – 1960–е гг. в полный голос заявило о себе новое поколение авторов, чьи детские и подростковые годы пришлись на военную пору (поколение, родившееся в 1920–1930–е гг.). Среди поэтов это удмурты Ф. Васильев, О. Поскребышев, В. Романов, В. Ванюшев, А. Белоногов, коми Г. Юшков, А. Ванеев, Ю. Васюттов; среди прозаиков – удмурты Е. Загребин, Р. Валишин, П. Чернов, коми-пермяк В. Климов, коми И. Торопов, Г. Юшков, Ю. Васюттов, Н. Куратова. «Великая Отечественная война стала отправной точкой их жизненного пути, тем моментом, когда начали формироваться их духовные ценности» [Петров 2015, 17]. Каждый из них испытал на себе все трудности военного времени, тыловых работ, ощутил дыхание голода и смерти, и потому слова исследователя удмуртской литературы Л. П. Федоровой, характеризующие творчество удмуртских поэтов, справедливы и по отношению ко всем этим писателям: «Память детства о войне они пронесли через всю жизнь, свои поступки сверяя по нравственным меркам военного времени» [Федорова 2018, 64]. Заявив о себе еще в первые послевоенные десятилетия, эта плеяда ярких и самобытных авторов, придерживающихся в творчестве единых философских и эстетических взглядов, во многом определила основное звучание и развитие родственных литератур во второй половине XX в.

Творчество нового поколения писателей в целом характеризуется постепенным выходом за идеологические рамки литературы, отказом от явной риторики, агитации, – все это уступило место глубокому лиризму и романтическим ощущениям, навеянным периодом «оттепели» 1960-х гг. Новые качества стиха и прозы в этот период также обусловлены вниманием авторов к нравственно-философским проблемам, их обращенностью к внутреннему, духовному миру человека.

Значимое место в творчестве этого поколения писателей заняла тема Великой Отечественной войны. К ней обращались как поэзия, так и проза пермских литератур второй половины XX в. Диапазон жанров, в которых данная тема нашла свое воплощение, широк и разнообразен – это лирические стихи, поэмы, прозаические миниатюры, рассказы, повести. Стихи и проза «мальчишек военного времени» – впечатления военного детства: память об ушедших на фронт отцах и старших братьях, о скудном хлебе военной поры, раннем взрослении и тяжелом труде наравне со взрослыми. Воспоминания и раздумья о том времени придают этим произведениям черты автобиографизма, усиливая в них личностное и субъективное начала. Таким образом, роль средств, придающих изложению особую субъективность, возрастает [Николина 2002, 389]: на первый план выходит лирическое начало, когда даже эпический жанр (рассказ, прозаическая миниатюра) «обогащается родовыми свойствами лирики, где становятся естественными лирический герой, лирическое повествование, лирическое отступление, лирический монолог» [Гудырева 1998, 6]. Наиболее показательны здесь рассказы и прозаические миниатюры удмуртского писателя Е. Загребина (1937–2015) из цикла «Эхо войны», опубликованного в его книге «Лебеди моего детства»; рассказы и повести коми прозаика И. Торопова (1928–2011) из мелехинского цикла («Шуркин бульон», «Где ты, город?», «Пшенная каша», «Вам жить дальше», «Скоро шестнадцать»).

В многогранном творчестве удмуртского писателя Е. Загребина, в наследии которого «большое место занимают и драматургические произведения, и малые жанры прозы, и злободневная публицистика» [Шибанов 2017, 167], значимы его рассказы и миниатюры о военном детстве «Красная тряпка», «Огонь», «Пилотка», «Жаворонок», «Крапива» и др. Название цикла, куда все они вошли, – «Эхо войны» – поясняет специфику произведений: это воспоминания о прошлом. Исследователи прозы Е. Загребина выделяют такие основные ее свойства: эмоциональность, искренность, точность в изображении жизненных ситуаций, «способность радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, быть в братском единении с окружающим миром» [Зайцева 2002, 220]. Кроме того, в числе наиболее значимых элементов художественного мира Е. Загребина необходимо также выделить сочетание в них художественного и публицистического начал, обращение к реальным событиям и фактам, автобиографизм. Так, рассказы писателя из цикла «Эхо войны» объединены одним характером, одной судьбой, в которой отражена судьба самого автора. Прототип главного героя здесь – сам писатель в детстве, которому на момент начала войны исполнилось всего четыре года, – деревенский мальчишка Ёрги, Егор Загребин; повествование ведется от его лица. Автобиографизм придает прозе писателя особую эмоциональность, драматизм и лиричность, а герою-рассказчику дает возможность полно и открыто рассказывать о своих чувствах, сливающихся с чувствами и мыслями автора. Субъективность авторского присутствия в тексте, способствующая «глубокому постижению изображаемой эпохи сквозь призму конкретной человеческой судьбы» [Диева 2018, 73], отмечается исследователями как характерный признак всей художественной системы Е. Загребина.

Коми прозаик И. Торопов, чье творчество занимает ведущее место в истории коми литературы XX в. [Domokos 1993, 689–690], также внес значительный вклад в ее развитие произведениями мелехинского цикла, куда вошли рассказы и повести, объединенные образом главного, «сквозного» для всего цикла, героя – деревенского подростка Федя Мелехина, росшего и мужавшего в военные и первые послевоенные годы. Исследователи творчества И. Торопова не раз отмечали, что его «зрелое художественное слово знаменует собой становление в коми литературе лирической прозы» [Гудырева 2005, 4], для которой свойственны романтическая поэтика и стилистика при передаче внутреннего мира человека. Лиризм и романтика как принцип искусства И. Торопова, по мнению литературоведа В. А. Латышевой, достигают наивысшего расцвета в произведениях данного цикла, «показывая, на что способен герой, вступающий в жизнь, ищущий дорогу, рвущийся в будущее» [Латышева 1995, 51–52].

Таким образом, произведения удмуртского и коми писателей сближает не только тематика военного детства, автобиографизм, но также и лирический характер их произведений. Построение сюжета прозаического произведения по типу лирического, описание не только внешних событий и действий, но также и раскрытие взаимоотношений между людьми, движений души героя позволяет авторам использовать сюжет для решения лирико-философских задач. Путем лиризации ткани эпиче-

ского произведения они получают возможность обратить более пристальное внимание на личность человека, его психологию, внутренний мир.

Значителен в этом отношении рассказ Е. Загребина «Жаворонок». Небольшое по объему, это полуторастраничное произведение малособытийно. От лица рассказчика – восьмилетнего мальчика Ёрги – в нем повествуется о походе двух мальчишек-друзей на дальнее поле в поисках оставшейся в бороздах прошлогодней картошки. Рассказчик рисует картину, типичную для военного времени: голодная весна, мальчишки, пришедшие на еще заснеженное поле, испытываемая ими радость от найденных в холодной, вязкой земле редких комочков. В прозаическое повествование включена лирическая вставка: этот абзац, посвященный воспоминаниям героя-рассказчика, его мыслям и чувствам, меняет характер повествования. Услышанная ребенком весенняя трель жаворонка пробуждает в его памяти воспоминания об отце, о счастливой довоенной жизни: «Я стоял как замороженный, глядел в голубое небо, слушал трепетную трель жаворонка и думал о том, что эту маленькую птичку очень любит мой отец. Бывало, он называл жаворонком мою маму, и я частенько слышал, как он пел песню про жаворонка. Теперь эту отцовскую песню поет мама. Сядет, затопит вечером печку, смотрит задумчиво на огонь и поет, поет» [Загребин 2008, 71]. Событийное повествование (поход ребят в поле) теряет свою первостепенную значимость – на первое место в рассказе выходят не фабула и события, а лирическая составляющая: ход мыслей героя, развитие его чувств. Так, услышав трель жаворонка и вспомнив отца, который на войне и от которого давно нет писем, он припоминает и старое поверье: «если крикнуть в печную трубу, позвать, то тот, кого зовешь, услышит, как бы далеко он ни был» [Загребин 2008, 71]. Детский ум, отсеивая все плохое, тяжелое и страшное, что присуще военному времени, пытается возродить в душе ощущение былого счастья, радости, надежды. И, как весенняя песня жаворонка свидетельствует о скором наступлении весны и продолжении жизни, так и задумчивая песня матери у огня становится для мальчика воплощением надежды и залогом будущего счастья: «скоро придет письмо от отца, кончится война и он, живой и здоровый солдат, вернется домой» [Загребин 2008, 71]. Еще одно из значений символизированного образа маленькой певчей птицы и ее трели – это связующая нить между счастливым прошлым и верой в счастливое будущее, протянувшаяся сквозь тяготы и горе войны. Трель жаворонка и созвучная ей песня матери приобретают в рассказе еще и силу заклинания, способного в сознании героя-рассказчика связать воедино разбросанную войной семью, становясь оберегом для отца на далекой войне, давая надежду на его возвращение матери и сыну. Эта лирическая вставка – воспоминания, размышления и мечты героя – придает небольшому рассказу Е. Загребина свойства лирической прозаической миниатюры или даже стихотворения в прозе, а характеру рассказчика – черты лирического героя.

Еще одно произведение из цикла Е. Загребина «Эхо войны» – рассказ-миниатюра «Крапива», повествование в котором ведется также от первого лица. Для создания рассказа автором использован художественный прием ретроспективы – воспоминания о прошлом, а в основе сюжета произведения лежит противопоставление прошлого и настоящего. Здесь, в отличие от рассказа «Жаворонок», герой – взрослый человек, вспоминающий о своем детстве много лет спустя после войны. Гуляя в парке, он встречает молодого соседа, собравшегося за крапивой. Отказ героя отведать весеннего лакомства – крапивных щей – вызывает у соседа возглас удивления: «Неужели?! Да ты, наверное, не ел их никогда!» [Загребин 2008, 69]. Этот возглас непонимания и становится толчком для мыслей героя-рассказчика, вспоминающего время своей жизни, когда пустые щи из крапивы были основной едой на столе и когда слова «крапива» и «война» слились «в одно понятие – чего-то жалящего, злого, беспощадного, от чего плачут и тяжело вздыхают люди» [Загребин 2008, 69].

Малой прозе Е. Загребина свойствен подобный конфликт характеров персонажей: по мысли автора, именно такие тяжелые периоды, как война, и сопряженные с ней трудности, приносимые ею страдания и горе способны не только изменить мировидение человека, но и воспитать в нем определенные черты и свойства характера. Так, лишь один из двух героев-мальчишек в рассказе «Жаворонок» способен уловить в весенней песне птицы гораздо больше, чем просто трель – надежду на будущее счастье; и лишь один из двух героев рассказа «Крапива» – тот, что постарше, испытавший на себе трудности военного времени, видит жизнь сквозь призму тех событий.

Пристальное внимание к личности подростка военного времени, к его психологии, душевному миру проявляется в первых рассказах и повестях прозаика И. Торопова из мелехинского цикла: «Пшенная каша» (1966), «Где ты, город?» (1967), «Шуркин бульон» (1967), «Скоро шестнадцать» (1971). В годы Великой Отечественной войны будущий писатель сам был подростком. Его отец, председатель колхоза, с первых дней ушел на фронт и погиб под Ленинградом; в год окончания вой-

ны умерла мать. В 1942 г., после окончания школы-семилетки, И. Торопову пришлось оставить учебу и пойти работать статистиком, десятником, а затем мастером лесопункта. В герое его произведений данного цикла – сельском подростке Феде Мелехине – явственно проступают черты характера и факты из биографии не только самого автора, но и многих его сверстников.

Главный герой произведений цикла чуть старше загребинского Ёрги, судьба его трагичнее. Серьезнее и глубже в силу возраста и вопреки им происходящих событий. Жизнь семьи Мелехиных разрушена войной: без вести под Ленинградом пропал отец; тяжело заболел от непосильного труда, весной 1944 года умерла мать; дети – трое братьев, старший из которых четырнадцатилетний Федя, и маленькая сестренка – остались в большом деревенском доме одни. Начинается цикл с трех рассказов: сюжет «Шуркиного бульона» строится на повествовании о том, как Феде впервые в жизни пришлось идти одному в лес, чтобы поймать глухаря на бульон для заболевшего брата; рассказ «Где ты, город?» посвящен первой самостоятельной работе Феде – сплаву по реке плотом с драгоценным в годы войны лесом с пометкой «авиа»; в «Пшенной каше» рассказывается о работе Феде статистиком на лесном участке. Во всех рассказах изображен процесс становления и раннего взросления подростка в годы войны в тылу, раскрыт его внутренний мир.

Особым лиризмом, поэтичностью, эмоциональностью отличается рассказ «Шуркин бульон». Лирические отступления, включенные в него, усиливают степень художественного воздействия произведения, оживляют повествование. Читатель многое узнает о жизни и духовном мире этого мальчишки военных лет, а его «настроение, движение чувства, формирование мировоззрения» [Латышева 1995, 52] выходят в рассказе на передний план. Внутренний мир Феде, раскрытый в его раздумьях-монологах, предстает здесь в мельчайших подробностях. Его воспоминания о событиях в прошлом, размышления, переживания о неизвестной судьбе отца, о смерти матери и болезни брата, понимание того, что нельзя вернуть оставшееся в прошлом счастливое довоенное время, играют в повествовании ведущую роль. И, как считают исследователи творчества И. Торопова, рассказ и весь «цикл автобиографичен, поэтому в нем еще более сильно лирическое начало» [Гудырева 2005, 12].

Тяжелая, безрадостная жизнь коми села военных лет представлена в рассказе И. Торопова глазами подростка. Это и непосильная, доводящая до болезни и ранней смерти работа женщин, стариков и детей в колхозе, и взаимопомощь сельчан, и чувство вечного, непрекращающегося голода у детей, оставшихся сиротами, их поиски хоть какой-нибудь, способной мало-мальски насытить, еды: «Своей картохи нам до весны не хватило, и как только с полей сошел снег, стали мы кормиться перезимовавшей, с полей. Это уже... не совсем картошка, а так, бурый сгусток в сморщенной шкуре. Идешь по жидкому полю, земля тебя засасывает, будто болото. Комок-картошину найдешь, и сердце вздрогнет, будто самородок нашел. Да не часто они попадались, картофельные самородки...» [Торопов 1981, 7]. Схожее описание ощущения физической и душевной боли при мыслях (и даже воспоминаниях) о голоде и скудной еде встречается и в упомянутых рассказах Е. Загребина «Жаворонок», «Крапива»: «Встав рано поутру, я беру котомку и иду за крапивой на берег реки или в лес. Ту крапиву, что росла возле дома и в огороде, мы уже съели. Помню свои красные, в волдырях, руки. Помню свои слезы, помню вздох матери, когда она ставила на стол миску с пустыми щами из крапивы» [Загребин 2008, 69].

Описание внутренней, духовной жизни героя, смена чувств и переживаний, ход мыслей, перемежающихся с воспоминаниями и снами, придают рассказу И. Торопова «Шуркин бульон» черты лирического произведения, изображение внешних событий отодвигают на второй план. Они не только настраивают читателя на определенный лирический лад, но и являются своеобразными двигателями сюжета: воспоминания возвращают Федю то в недостижимо далекое, довоенное, радостное и счастливое, то в недавнее, омраченное наступившим сиротством, прошлое; сон, увиденный мальчиком во время ночевки в лесу, раскрывает, прежде всего, его внутреннее, душевное состояние. Именно в этой части повествования в размышлениях героя возникает образ заснеженного поля, символизирующий его, мальчишки военных лет, жизнь: «...и я будто просматриваю свою будущую жизнь. Она похожа на темное заснеженное поле. И насквозь продувается ветром сильным, а мне идти по этому полю, идти, идти...» [Торопов 1981, 18]. Символический образ этот близок образу такого же пустынного, заснеженного поля и в рассказе удмурта Е. Загребина «Жаворонок». Примечательно, что возник он, как и сопряженные с ним образы-метафоры замерзших ягод рябины и не успевших созреть, замороженных инеем войны колосьев (в стихах коми поэта А. Ванеева), именно в творчестве финно-угорских авторов как символ трагических судеб детей военного времени, в основе которого лежат образы родной северной природы. Поэтому неудивительно, что издателям-эстонцам, в 1990–2000-е гг. опубликовавшим целый ряд книг финно-угорских авторов, в творчестве А. Ванеева именно один из этих образов – подморо-

женная рябина – показался наиболее значимым, достойным быть вынесенным в название его сборника стихов [Vanejev 1993].

Образ Феи Мелехина в рассказе «Шуркин бульон» также создан по типу героя лирического произведения: по духу и мироощущению он близок самому автору, зачастую наделяется его личностными чертами, как в лирическом произведении, выступает от первого лица; развитие его мыслей и чувств играет значимую роль в развитии сюжета повествования. Так, зачин рассказа омрачен повествованием о тяжелой сиротской доле в годы войны, о неотступном чувстве голода, о болезни младшего брата. В первой части рассказа преобладает и мотив смерти: угнетающее чувство усиливают мысли-воспоминания Феи по дороге в лес о болезни и смерти матери, его сон-метафора о собственной жизни, встреча во сне с умершей матерью и пропавшим без вести отцом. Но смена чувств героя, внезапно испытанное им ощущение счастья и радости жизни меняют и ход повествования. Федя, проснувшись в лесу после полной страха и тяжелых снов ночи, в преддверии нового утра и нового дня, начинает вдруг всем своим существом ощущать счастье человеческого существования, а вместе с этим обретает надежду и даже уверенность в том, что все наладится – удастся поймать глухаря, Шуррик поправится, и жизнь, какой бы она ни была, продолжится: «И стало мне удивительно хорошо. И спокойно. Радостно стало, оттого что я живой, что один заночевал в лесу, и ничего, обошлось. В тот светлый миг все кругом – и тихо гудящий лес, и обомшелая дедовская банька, и луг, подернутый белым туманом, и скромный говор ручья, – все это подступило ко мне, такое бесконечно дорогое, милое, родное навеки. Вот, думаю, до чего ж здорово, что родился я на этой земле. Теперь бы не дать Шурке помереть – и будем жить дальше» [Торопов 1981, 18].

Во многих финно-угорских, и, в частности, пермских литературах поколением писателей, переживших годы Великой Отечественной войны детьми и подростками, во второй половине XX в. был сделан новый шаг в разработке того пласта литературы о войне, который был задан в первые послевоенные десятилетия писателями-фронтовиками. Одной из главных констант для них становится память о войне. Писатели – удмурт Е. Загребин, коми И. Торопов – яркое тому подтверждение. Храня в памяти детские воспоминания о событиях тех лет, давая им оценку, заново переживая их, они эмоционально и лирично воспроизводят в своих произведениях внутренний мир своего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- Гудырева Л. В.* Поэтика прозы И. Г. Торопова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1998. 21 с.
- Гудырева Л. В.* Художественное своеобразие прозы И. Г. Торопова. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2005. 116 с.
- Диева А. З.* Влияние авторской субъективности на архитектонику трагедии Е. Загребина «Эш-Тэрек» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. С. 73–81.
- Загребин Е. Е.* Лебеди моего детства: новеллы, рассказы, пьесы / пер. с удмурт. В. Болтышева, В. Глушкова и автора. Ижевск: Удмуртия, 2008. 174 с.
- Зайцева Т. И.* Некоторые размышления о творчестве Е. Загребина // Движение эпохи – движение литературы. Удмуртская литература XX века: уч. пос. / С. Т. Ареева, Т. И. Зайцева, В. Г. Пантелева и др.; под ред. Т. И. Зайцевой и С. Т. Ареевой. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2002. С. 219–222.
- История коми литературы. В 3 т. Т. 3. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 432 с.
- История удмуртской советской литературы: в 2 т. / Кол. авторов; ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, НИИ при СМ УАССР. Устинов: Удмуртия, 1987. Т. 1. 252 с.
- Латышева В. А.* Литература коми: уч. пос. Сыктывкарский ун-т. Сыктывкар, 1995. 118 с.
- Николина Н. А.* Поэтика русской автобиографической прозы: уч. пос. М.: Флинта: Наука, 2002. 424 с.
- Петров И. В.* «Война вошла в мальчишество мое...»: образ подростка в поэзии 1950–1960-х годов // Филологический класс. Екатеринбург, 2015. №1(39). С. 17–23.
- Торопов И. Г.* Вам жить дальше: рассказы и повести / пер. с коми С. Панкратова. М.: Современник, 1981. 527 с.
- Федорова Л. П.* Тема военного детства в удмуртской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №1(79). Ч. 1. С. 63–66.
- Шибанов В. Л.* Егору Загребину – 80 // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. Вып. 3. С. 167–169.
- Vanejev A.* Kõlmond pihlamari: luuletused. Tallinn: Kirjastuskeskus, 2006. 62 lk.
- Domokos P.* Toropov Ivan Grigorjevics // Világirodalmi Lexikon. XV. Taa – Tz. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993. Old. 689–690.

Поступила в редакцию 14.02.2022

Ельцова Елена Власовна,
кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН.
167982, Россия, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: alena.eltsova@mail.ru

E. V. Eltsova

**FEATURES OF THE ARTISTIC EMBODIMENT OF THE THEME OF WARTIME CHILDHOOD
IN THE WORKS OF PROSE BY E. ZAGREBIN, I. TOROPOV**

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-2-262-268

The article is devoted to the work of Finno-Ugric (Permian) writers of the second half of the 20th century E. Zagrebin, I. Toropov. Both of them belong to the generation of authors whose childhood and youth were spent during the Great Patriotic War. It is natural that the theme of wartime childhood is one of the most significant in the work of this generation of authors. Literary research, conducted on the material of the works of these writers devoted to this topic, made it possible to identify their main artistic features. It is autobiography, deep lyricism, emotionality, strengthening of the personal and subjective principles in the work, symbolization and metaphorization. In the course of a comparative literary analysis, it was established that the key and most significant in the works of this series is the motif of memory of the events of the past – memories of childhood during the war. The genres of short prose (story, prose miniature) allow authors to pay closer attention to the disclosure and solution of moral and philosophical problems, to address the personality of a growing person and his/her inner, spiritual world, to the psychology of a child and teenager. In addition, in the course of the study of the prose works by E. Zagrebin and I. Toropov, devoted to the war childhood theme, their lyrical character was identified and analyzed, as well as the image of the hero-narrator having the properties of a lyrical hero, romantic poetics and stylistics in the transfer of the inner world of a person. As a result of the study, it was concluded: the generation of writers who grew up during the war years not only continued, but also further developed the layer of literature on military subjects, the initiators of which were front-line writers.

Keywords: Udmurt literature, Komi literature, lyrical prose, short story, Great Patriotic War, war childhood theme, memory, image, lyrical hero, symbol, cycle, plot, autobiography, metaphor, narrator.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 2. P. 262–268. In Russian.

REFERENCES

- Gudyreva L. V.** *Poetika prozy I. G. Toropova* [Poetics of prose by I. G. Toropov]. Saransk, 1998. 21 p. In Russian.
- Gudyreva L. V.** *Hudozhestvennoe svoeobrazie prozy I. G. Toropova* [Artistic originality of I. Toropov's prose]. Syktывkar, Izd-vo Syktывkarskogo un-ta Publ., 2005. 116 p. In Russian.
- Dieva A. Z.** Vliyanie avtorskoi sub"ektivnosti na arhitektoniku tragedii E. Zagrebina «Esh-Terek» [The influence of author's subjectivity on the architectonics of E. Zagrebin's tragedy "Esh-Terek"]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2018, vol. 12, issue 3. P. 73–81. In Russian.
- Zagrebin E. E.** *Lebedi moego detstva: novelly, rasskazy, p'esy* [Swans of my childhood: short stories, stories, plays]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 2008. 174 p. In Russian.
- Zajceva T. I.** Nekotorye razmyshleniya o tvorchestve E. Zagrebina [Some reflections on the work by E. Zagrebin]. *Dvizhenie epohi – dvizhenie literatury. Udmurtskaya literatura XX veka* [The movement of the era is the movement of literature. Udmurt literature of the 20th century], 2002. P. 219–222. In Russian.
- Istoriya komi literatury:** v 3 t. [History of Komi literature: in 3 vol.]. Syktывkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1981. Vol. 3. 432 p. In Russian.
- Istoriya udmurtskoi sovetskoi literatury:** v 2 t. [History of Udmurt literature: in 2 vol.]. Ustinov: Udmurtiya Publ., 1987. Vol. 1. 252 p. In Russian.
- Latysheva V. A.** *Literatura komi* [Komi literature]. Syktывkar, Syktывkarskij un-t Publ., 1995. 118 p. In Russian.
- Nikolina N. A.** *Poetika russkoj avtobiograficheskoj prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow, Flinta Publ., 2002. 424 p. In Russian.
- Petrov I. V.** «Voina voshla v mal'chishestvo moe...»: obraz podrostka v poezii 1950–1960-kh godov [“War has entered my boyhood...”: the image of a teenager in the poetry of the 1950s–1960s]. *Filologicheskii klass* [Philological class], 2015, issue 1(39). P. 17–23. In Russian.
- Toropov I. G.** *Vam zhit' dal'she: rasskazy i povesti* [You live on: stories and novels]. Moscow, Sovremennik Publ., 1981. 527 p. In Russian.

Fedorova L. P. Tema voennogo detstva v udmurtskoi poezii [The theme of military childhood in Udmurt poetry]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 2018, issue 1(79), part 1. P. 63–66. In Russian.

Shibanov V. L. Egoru Zagrebinu – 80 [To the 80th Anniversary of Yegor Zagrebin]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2017, vol. 11, issue 3. P. 167–169. In Russian.

Vanejev A. *Külmund pihlamari: luuletused*. Tallinn: Kirjastuskeskus, 2006. 62 lk. In Estonian.

Domokos P. Toropov Ivan Grigorjevics. *Világirodalmi Lexikon*, 1993, vol. XV. Old. 689–690. In Hungarian.

Received 14.02.2022

Eltsova Elena Vlasovna,
Candidate of Sciences (Philology), Researcher
Institute of Language, Literature and History of the FRC Komi Scientific Centre,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.
26 Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russian Federation
E-mail: alena.eltsova@mail.ru